

ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННЫЕ ПАРАДИГМЫ

DOI: 10.31168/2619-0869.2022.3.06

Образ «реки времени» и проблема историчности в книге Ч. Милоша «Долина Иссы»

Ирина Александровна Либина

Балтийский федеральный университет
имени Иммануила Канта,
Калининград, Российская Федерация; e-mail: falsh746@mail.ru

Ключевые слова: Милош, Гераклит, историчность, река времени, память, поэтическое пространство

The image of the “River of Time” and the historicity issue of the “Issa valley” novel by Czesław Miłosz

Irina A. Libina

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian
Federation; e-mail: falsh746@mail.ru

Keywords: Miłosz, Heraclitus, historicity, River of Time, memory, poetic space

В своем произведении «Долина Иссы» Чеслав Милош обращается к диалектической основе философии Гераклита, на материале которой формируется его понятие «иной историчности»¹. Подобно реке, вечно обновляющейся новыми потоками, однако не изменяющей своей сути, ибо она запечат-

лена в «моменте вечности»², новая историчность Милоша, *storicismo polacco*³, делает возможным познание сути человеческой природы в ее неотрывности от реальной жизни.

История у Милоша высвобождается из рамок ограниченной марксистской теории об исторической предопределенности. Выступая против концепции исторической необходимости, Милош в «Порабощенном разуме» отмечает трагичность ситуации, в которой оказался род человеческий, подчинившийся жестокому божеству — Истории⁴. Пространство, рождающееся в результате нового восприятия Милошем истории, символизируется и выносится за грань существующей действительности. Возникшее на границе между явью и сном новое измерение открывает перспективу синтетической полноты целого. Соединение элементов, существующих в сознании человека в разъединенном состоянии, происходит у Милоша в поэтическом пространстве. Отталкиваясь от тезиса Гераклита «все едино», Милош в единстве бытия и становления видит «момент вечности», существование которого, однако, невозможно в окружающей поэта жестокой действительности. В таком мире человек способен участвовать только пассивно, в то время как единственный возможный способ подлинного существования, по Милошу, — это «помогать творить историю, жить в историческом времени»⁵. В письме к Гомбровичу Милош пишет: «Насколько иссушающе губительно и унижительно служение историчности в долгосрочной перспективе — знаю хорошо. Однако мне также известно, какую пустоту, беспомощность и немоту вызывает отречение от этого служения»⁶. Этот внутренний конфликт стал источником «склонности к поиску другого берега истории»⁷, пространства, предполагающего расширение концепции историчности. В связи с этим образ гераклитовой «реки времени» наделяется дополнительной коннотацией и приобретает, по мысли Томаша Томасика, черты мифологической реки Леты⁸. В контексте этого мифообраза история понимается как «длительность человеческого существования, память»⁹, способная вынести нас за рамки истории и одновременно связать с ней.

Атмосфера лжи и лицемерия, в которой Милош оказался в послевоенные годы, невозможность найти свое место, привели к внутреннему кризису, а разрыв с родиной формировал ложный образ предателя и предрекал гибель польского эмигранта как поэта. Выход из творческого тупика Милош нашел в поэзии. В этом отношении написание «Долины Иссы» становится для него своего рода «автотерапией» и выводит из тени нечеловеческой, бездушной абстракции к обретению утраченного источника поэтического вдохновения¹⁰. Для того чтобы связать прошлое и настоящее, нужно было, используя терминологию Марека Залеского, «напиться из реки забвения»¹¹, за символическим образом которой скрывается «рассказ о собственном происхождении, имеющий значение возвращающего к жизни таинства»¹². Однако, несмотря на отождествление автора и главного героя произведения, а также наличие прототипов у многих персонажей и использование картин родных мест, «Долина Иссы» — не автобиография в традиционном понимании. По словам Марека Залеского, эту книгу можно определить как «пример духовной биографии»¹³, написание которой стало важным этапом в преодолении эмиграционного шока. В связи с этим остроумное замечание французского журнала L'Express: «La métaphysique est facile»¹⁴, содержащее косвенное обвинение в эскапизме — представляется скорее неуместным, нежели точным. Положенные в основу произведения образы детства создают временную дистанцию, являющуюся необходимым условием, благодаря которому Милош решает проблемы своего времени¹⁵.

В целом пространство «Долины Иссы» является поэтическим, о чем свидетельствует стиль произведения, на особенности которого указал Е. Завейский¹⁶. Живописные картины «Долины Иссы» наполнены чувственными, земными образами, прописанными со скрупулезной точностью натуралиста. Эта точность рождает ощущение едва уловимых запахов и звуков, проникающих из мира фантазии в реальность читателя, который видит долину словно сквозь толщу воды — по образной характеристике З. Герца, «через стеклянную стенку аквариума»¹⁷.

Также в пространство «Долины Иссы», особенностью которой является «большее, чем в других местах, количество чертей»¹⁸, проникают элементы реального исторического времени. Наиболее показательным в этом плане является отрывок произведения, свидетельствующий о переплетении мифологического и исторического пластов повествования: «Есть ли между чертями и прочей тварью какой-то сговор, или они просто живут друг возле друга, как сойки, воробьи и вороны? И где тот край, куда прячутся те и другие, когда землю давят гусеницы танков, у реки копают себе неглубокие могилы приговоренные к расстрелу, а среди крови и слез, в ореоле Истории, встает Индустриализация?»¹⁹. В результате этого мифоисторического синтеза рождается поэтическое — полусказочное, полуреальное пространство.

По словам Т. Венцловы, «мир в “Долине Иссы” искупается прежде всего памятью — данной в памяти надеждой»²⁰, которая в сцене смерти бабки Дильбиновой противопоставляется «закону, гласящему, что все умершее рассыпается в прах и навеки гибнет»²¹. Проблема иллюзорности человеческой жизни, ее скоротечности оформляется в один из ключевых мотивов всего произведения и выражается в вопросах, которыми задаются герои книги. Жалобами отравившей себя Магдалены на бренность собственного существования проникается в метафизическом пространстве сна-полувидения маленький Томаш: «теперь и он превращался в груды истлевших костей, жаловался устами Магдалены и открывал для себя те же вопросы: почему я — это я?»²². Этой мысли о конечности жизни противостоит идея существования в памяти как слиянии прошлого и настоящего: «Никто не живет один: человек беседует с теми, кого уже нет, их жизнь воплощается в нем»²³.

Воспринимая историю как “время памяти”, Милош обретает свою точку опоры с перевоплощением в ребенка. В связи с этим обнаруживается скрытая полемика с гераклитовским утверждением о невозможности дважды войти в одну и ту же реку. По Милошу, это не только возможно, но и необходимо в качестве обязательного условия для «выздоров-

ления». Смотри на мир глазами ребенка, Милош открывает непреходящую гармонию бытия, с осознанием которой он может вернуться в реальный мир, чтобы продолжить свой путь дальше.

Примечания

- ¹ *Herlth J.* Czesław Miłosz w poszukiwaniu innej historyczności // *Poznańskie Studia Polonistyczne. Seria Literacka.* 2012. N 20 (40). S. 13.
- ² *Miłosz Cz.* Wiersze. Kraków, 2002. T. 2. S. 162.
- ³ *Miłosz Cz.* Rok myśliwego. Kraków, 1991. S. 36.
- ⁴ *Miłosz Cz.* Zniewolony umysł. Kraków, 1999. S. 238.
- ⁵ *Miłosz Cz.* Problems of Modern Youth. The Absent Countries of Europe. Lectures Held at the Collège de l'Europe Libre, 6th Summer Session in Strasbourg-Robertsau. Bern, 1958. S. 35.
- ⁶ *Miłosz Cz.* Gombrowiczowi // *Kultura.* 1953. N 10/72. S. 12.
- ⁷ *Ibid.*
- ⁸ *Tomasik T.* Heraklit Miłosza // *Świat Tekstów. Rocznik Słupski.* 2011. N 9. S. 174.
- ⁹ *Franaszek A.* Miłosz. Biografia. Kraków, 2011. S. 567.
- ¹⁰ *Ibid.* S. 570.
- ¹¹ *Zaleski M.* Lekcja Literatury z Markiem Zaleskim. Chłopiec imieniem Tomasz. Kraków, 1999. S. 266.
- ¹² *Ibid.* S. 267.
- ¹³ *Ibid.* S. 276.
- ¹⁴ *Franaszek A.* Miłosz. Biografia. S. 573.
- ¹⁵ *Zaleski M.* Lekcja Literatury z Markiem Zaleskim. Chłopiec imieniem Tomasz. S. 271.
- ¹⁶ *Zawieyski J.* Nad książkami // *Twórczość.* 1957. N 11. S. 47.
- ¹⁷ *Bobkowski A.* List do Jerzego Giedroycia, 12 lipca 1955.
- ¹⁸ *Miłosz Cz.* Dolina Issy. Kraków, 1999. S. 8.
- ¹⁹ *Милош Ч.* Долина Иссы. СПб., 2012. С. 11.
- ²⁰ *Венцлова Т.* Послесловие к произведению Ч. Милоша «Долина Иссы». С. 422.
- ²¹ *Милош Ч.* Долина Иссы. С. 295.
- ²² *Милош Ч.* Долина Иссы. С. 80.
- ²³ Там же. С. 150.